

*Геннадий Берестнев
(Калининград)*

ЛИНГВИСТИКА И ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ У К. Г. ЮНГА: ОТКРЫТИЕ МЕТОДА*

Выявляются механизмы толкования сновидений, используемые К. Г. Юнгом. Показано, что они имеют разную степень глубины. На поверхностный уровень языкового сознания ориентировано обращение к паронимазийным связям между словами в метаописании сновидения. Более глубокие уровни затрагивают семантические механизмы: ассоциативный, метафорический, метонимический. Особое место в этих условиях занимает интерпретация символов. Данные механизмы составляют основу метода толкования сновидений К. Г. Юнга.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, сновидения, метаязык, аналитическая психология, К. Г. Юнг, семантика, символ, образ, метод.

Современная лингвистика все более отчетливо демонстрирует черты, которые отмечались у нее почти два десятилетия назад [1; 2]. Прежде всего, это «экспансионизм» — стремление к освоению проблемных сфер и категориального аппарата других, смежных с ней, гуманитарных дисциплин. В связи с этой тенденцией лингвистика обретает отчетливо междисциплинарный характер, а получаемые в лингвистических исследованиях результаты оказываются значимыми и для других наук о человеке и обществе. Это также «экспланаторность» — ориентированность не только на анализ языка,

---

© Берестнев Г., 2015

* Работа выполнена при поддержке РГНФ — грант №13-04-00029 «Репрезентативный потенциал естественного языка как знаковой системы сновидений».

но и на объяснение стоящих за языковыми данными фактов иного, не собственно языкового, порядка. Ярко выраженной экспланаторностью отличается, например, когнитивная лингвистика, на основе данных языка объясняющая механизмы глубинной познавательной деятельности человека. Еще одна важная особенность современной лингвистики — ее обращенность к объектным сферам и проблемам, ранее считавшимся «нелингвистическими». Объектные границы языкознания все более расширяются, и само оно обретает новые, ранее нехарактерные для него качества, в связи с чем в нем выделяются новые междисциплинарные направления. Так, на основе данных языка описываются и анализируются символические формы культуры и вообще самые разные семиотические объекты, вскрываются завуалированные связи и отношения в обществе, определяются процессы и механизмы человеческой когниции. Во всех случаях такого рода язык перестает быть прямым объектом и приобретает статус средства метаописания иных объектных величин. Однако исследование языка в его «метаязыковой» функции углубляет знания и об объекте, и о самом языке: его структурных и семантических свойствах, репрезентативном потенциале, отношении к другим знаковым системам.

К числу наиболее перспективных и актуальных междисциплинарных связей современной науки о языке, лежащей в русле когнитивной парадигмы, принадлежат ее связи с аналитической психологией К.Г. Юнга: в отношении к проблемам этой дисциплины языковые подходы демонстрируют особую объяснительную силу. В частности, с этой точки зрения могут получить дополнительное объяснение теоретические основания реконструкции содержаний бессознательного, предлагаемые принципы и методы этой реконструкции, некоторые структурные особенности выявленных содержаний. Основным объектом в аналитической психологии выступают сновидения. Этот статус они сохраняют и при рассмотрении их как познавательных механизмов, определяемых с точки зрения описывающего их естественного языка.

Еще З. Фрейд учил, что для выявления содержаний бессознательного важно научиться толковать сновидения, находить скрытые в них содержания. Полемизируя по этому вопросу со своими оппонентами, он писал: «Возражения против сновидения как объекта исследования, очевидно, заходят слишком далеко. <...> Толковать — значит найти скрытый смысл» [5, с. 51–52]. Следуя этой установке, К.Г. Юнг тщательно анализировал сны — не только пациентов, но и свои собственные. При этом иногда он обходился без особых правил, опираясь лишь на собственную интуицию или на складывавшиеся в жизни

«контексты». В других случаях он спонтанно определял некие теоретические основания толкования сновидений, и эти основания с позиций современной языковой теории можно было бы определить как когнитивно-языковые.

Исходя из этого, возможно составить своеобразную типологию толкований сновидений у К. Г. Юнга, определяемую с точки зрения лежащих в их основе языковых механизмов. Прежде всего, здесь можно выделить «прямые» толкования, в которых сновидения воспроизводят последующие события действительности, для их толкования в принципе не требуется никакая языковая теория. По сути, в случаях такого рода толкования как таковые вообще отсутствуют: что виделось во сне, то имело место и в жизни. Таков, в частности, следующий пример:

Все началось с того, что мне приснилось, будто ко мне обратилась неизвестная девушка. Она рассказала мне о своих проблемах, и пока она говорила, я думал: «Я ее совсем не понимаю. Я совершенно не понимаю, в чем дело». Но внезапно мне пришло в голову, что у нее особого рода отцовский комплекс. Таков был мой сон.

На следующий день в моей регистрационной книге на 4 часа была записана консультация. Пришла девушка. <...> Я начал с анамнеза, но не смог обнаружить ничего особенного. Она была вполне ассимилированной еврейкой, европеизированной и утонченной до мозга костей. Сперва я не мог ничего понять. Вдруг мне вспомнился мой сон и я подумал: «Боже мой, так это же та самая девушка» [6, с. 145].

Подобные сновидения К. Г. Юнг считал исключительными, «необычными» и отмечал их особо. «Такого рода сны, — писал он, — в противоположность обычным, выражают определенную тенденцию бессознательного сообщать спящему ощущение совершенной реальности происходящего, причем при повторении это ощущение усиливается» [6, с. 227].

«Прямые» толкования сновидений у К. Г. Юнга противопоставляются толкованиям, основанные на действии тех или иных языковых механизмов. Условно их можно назвать «опосредованными языком». В этой типологической группе выделяются две подгруппы: «параномазийные» — ориентированные в метаописании сновидений на звуковые сближения; «семантические» — ориентированные на различные преобразования в содержательном плане их метаописания.

Суть «параномазийного» толкования сновидений составляет следующее: в метаописании конкретного сновидения определяется некое

слово — оно обычно является ключевым, — и по отношению к нему находится другое слово, в фонетическом отношении близкое. Этот принцип иллюстрирует следующий пример, в котором толкование ориентировано не на образ сновидения, а на его языковое обозначение.

Я обнаружил себя в каком-то городе, грязном и закопченном. Стояла зимняя ночь, было темно и шел дождь. Это был Ливерпуль. <...> Этот сон отразил мое тогдашнее состояние. Я и теперь вижу серо-желтый дождевик, мокрый и скользкий. Все было удивительно мрачно, черно и мутно — так я себя тогда чувствовал. Однако мне открылось нечто прекрасное, благодаря чему я вообще мог жить. Ливерпуль (Liverpool) — это «полюс жизни», «pool of life». «Liver» — печень, древние считали ее средоточием жизни [6, с. 199].

Толкование этого сновидения интересно еще и тем, что оно основано на «наивной этимологии». Сам К.Г. Юнг рассматривает *Liverpool* как сочетание современных ему *liver* ‘печень’ и слова *pool* ‘бассейн, пруд’, которое он преобразует в *pole* ‘полюс’. Однако в действительности это наименование имеет совсем иные основания. Оно восходит к староанглийским *lifer* ‘густая вода’ и *pol* ‘бассейн, заводь’. Первоначально этим словом назывался водоем или заводь, образованные слиянием двух потоков [7]. Говоря более определенно, для такого толкования сновидения важны не реальные исторические связи между словами, а ассоциативные семантические связи в синхронии.

Есть основания полагать, что «парономазийный» принцип выявления истинного содержания сновидений имеет универсальный характер. Так, он действует в немецком языковом сознании, на него активно опирался З. Фрейд в своей психоаналитической практике [5, с. 74, 314]. Значим он и для русского языкового сознания. Ср.:

У меня так: если я вижу мучное, печеное, и оно такое пышное, аппетитное, от него запах вкусный идет, а я его беру, откусываю... Это точно к добру. Но я об этом, кажется, где-то читала, и теперь во сне это знание проявляется.

В данном случае в сновидении описывается реалья, которая узнается как *сдоба*. Паронимическое сближение осуществляется в связи с реальным историческим родством слов *сдоба* и *добрый, добро* — они восходят к праславянскому корню **dob-*.

«Семантические» толкования сновидений у К.Г. Юнга разнообразны в плане действующих в них преобразований смыслов. Так, одну

их разновидность составляют толкования по ассоциативному принципу. В случаях такого рода отдельные слова в языковом описании сновидения могут соотноситься с другими словами в силу связи соответствующих концептов в картине мира носителей языка. Подобные преобразования могут подкрепляться и явными метафорами, которые определяются в метаописании сновидения, в этом случае одни концептуальные величины уже прямо представляют другие концепты на основе их сходства по какому-либо признаку. Так, К. Г. Юнгу приснился сон, в котором он увидел пожилого человека в форме австрийских императорских таможенников. Этот человек прошел мимо, он казался чем-то расстроенным и раздраженным.

Я стал анализировать, — писал далее К. Г. Юнг, — и слово «таможня» подсказало мне ассоциацию со словом «цензура». «Граница» могла означать, с одной стороны, границу между сознательным и бессознательным, с другой же — наши с Фрейдом расхождения. Таможенный досмотр, чрезвычайно строгий, показался мне намеком на психоанализ. На границе чемоданы открывают и проверяют их содержимое. Анализ раскрывает содержание бессознательного. Что же касается таможенника, то, очевидно, его работа приносила ему больше горечи, нежели удовлетворения — отсюда раздражение на его лице. Я не мог удержаться от аналогии с Фрейдом [6, с. 167].

Ассоциативный принцип семантических преобразований в метаописании сновидений значим и для русского языкового сознания. В этих условиях он также реализуется в метафорической и метонимической разновидностях. Так, в первом из приведенных ниже примеров *волосы* метафорически представляют идею дороги на основе признака «протяженный».

Если снится, что расчесываешь волосы, что-то делаешь с волосами, это у меня всегда дальняя дорога. Какой-то внезапный отъезд, куда-то нужно ехать... Вот накануне мне снится, что я либо племяннице расчесываю волосы, либо сама вижу себя с длинными волосами. Такое всегда... То есть совпадение абсолютное, стопроцентное.

Это давно было. Мне было лет тринадцать — маленькая была. На старый новый год я попросила бабушку погадать. Бабушка сказала: «Из спичек сложи "колодец" возле постели. Что тебе приснится — расскажешь». И приснился мне длинный стол, за ним мужчины, много мужчин. Я их лиц не запомнила, только лицо того мужчины, который сидел в конце стола напротив меня. Он и стал моим мужем. Сон был очень яркий, я его до сих пор помню. Мужчина напротив меня был с кружкой. А сейчас он попивает...

Во втором примере образ *кружки* является метонимическим репрезентантом идеи «пьянства», она также метонимически представлена глаголом *попивает* в заключительной фразе, входящей в языковое описание семантики сновидения. Показательно, что *кружка* в данных условиях представляет собой достаточно далеко удаленный от прототипического ядра предмет в «семейной группе» *сосудов для употребления спиртных напитков*. В этой группе ядро составляет *рюмка*, а ближайшую периферию — *стопка, чарка, стакан*, наименования которых входят в устойчивые выражения, имеющие семантику «употреблять спиртные напитки», «пить (спиртное)», «напиваться», — ср.: *взяться за рюмку / за стакан 'начать пить, уйти в запой', сидеть на стопе* (просторечное) *'регулярно употреблять спиртные напитки', (опять) взяться за стакан '(вновь) уйти в запой', дружить с рюмкой 'попивать', пить стакан за стаканом 'пить много', шишать рюмки 'напрашиваться на выпивку, выпивать за чужой счет', хлопнуть рюмку / стопку 'с легкостью и удовольствием выпить рюмку / стопку водки', хлопнуть по рюмке / по стопке 'выпить по одной рюмке / стопке водки', Пей сколько душа примет... знаю, первая чарка колом, вторая соколом, а третью и сам повешешь... Однако в приведенном сновидении периферийное положение *кружки* снимается, и она выполняет роль полноценного представителя указанной «семейной группы».*

Метафорический принцип толкования сновидений имеет у К.Г. Юнга две разновидности. Во-первых, это обращение к базовым семантическим противопоставлениям типа *горячий / холодный, высокий / низкий, свой / чужой, правый / левый, светлый / темный* и т.д., которые в соответствующих случаях составляют основание метафоризации. Ср.:

Я шел проселочной дорогой через долину, освещенную предвечерним солнцем. Справа от меня находился крутой обрывистый холм. Наверху был замок, на самой высокой башне его, на чем-то вроде балюстрады, сидела женщина. Для того чтобы хорошо разглядеть ее, мне пришлось запрокинуть голову. <...> Еще во сне я узнал в этой женщине свою пациентку.

Объяснение пришло тотчас: если во сне я вынужден был смотреть на свою пациентку снизу вверх, то в действительности я, вероятно, смотрел на нее свысока. Ведь сны — это компенсация сознательной установки [6, с. 140].

Во-вторых, это использование сложных метафор, в которых каждый элемент также метафорически представляет отдельный актант соответствующей ситуации. Толкование сновидения в этих условиях предполагает расшифровку каждой из «элементарных» метафор. Ср.:

И в это время мне приснился незабываемый сон, который меня одновременно и испугал, и ободрил. Ночью я оказался в незнакомом месте и медленно шел вперед, в густом тумане, навстречу сильному, почти ураганному ветру. Я нес в руках маленький огонек, который в любую минуту мог потухнуть. И все зависело от того, удержу ли я его при жизни. Вдруг я почувствовал, что кто-то идет за мной. Я оглянулся и увидел огромную черную фигуру, она следовала за мной по пятам. И в тот же момент, не смотря на сильный испуг, я ясно осознал, что вопреки всем опасностям, через ночь и бурю, я должен пронести и спасти мой маленький огонек. Проснувшись, я тотчас понял, что этот «броккенский призрак» — моя собственная тень на облаке, вызванная светом того огонька. Еще я понял, что этот огонек, единственный свет, которым я обладал, и был моим сознанием. И это было мое единственное сокровище. И хоть этот огонь так мал и слаб в сравнении с силами тьмы, все же это — свет, мой единственный свет [6, с. 94—95].

Этот пример предельно насыщен «элементарными» метафорами. Сам К. Г. Юнг объяснил с этой точки зрения только *огонек* — как нечто «освещающее» и «просвещающее, проясняющее, дающее понимание». Однако метафорический характер имеют здесь и другие образы: *незнакомое место, ночь, туман* («неопределенность бытийных основ человека»), *буря* («жизненные препятствия»), *черная фигура* («противоположное начало человеческой личности в бессознательном»), *преследование лирического «Я»* («неразрывность позитивного сознательного начала человека и негативного начала в его бессознательном»)². Аналогичные примеры, представляющие столь же высокий уровень идейной зависимости, отмечаются и в русской «метаописательной» сфере сновидений. Ср.:

Это не конкретный сон, а некий «образный тип» сна. В частности, если мне снится, что я двигаюсь куда-то вверх (поднимаюсь по ступенькам, забираюсь на обрыв, карабкаюсь по склону, цепляясь за растения, и т. п.), это означает, что какое-то последующее мероприятие в жизни будет успешным.

Если во сне падаю — это к неприятности. К мелкой, большой — неважно.

---

² Показательно, что практически все эти образы (причем с той же самой семантикой) выступают как сюжетообразующие начала в повести Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм». Отмечаются они и в других культурных текстах самой разной типологической отнесенности — ср., например, фильм А. Тарковского «Ностальгия», выражающий близкую сновидению К. Г. Юнга идею. Это обстоятельство дает основание видеть в приведенных метафорах особого рода познавательные универсалии, или мифологемы.

В первом примере актуальным является положительный член оппозиции «верх — низ», во втором — отрицательный. В связи с этим первый пример связывается с положительными обстоятельствами (с общей успешностью деятельности субъекта сновидения), второй — с негативными, оцениваемыми отрицательно [4, с. 202].

Особая разновидность сновидений у К.Г. Юнга — такие, в которых необходимые содержания представляются символически. Подобного рода символы могут иметь общекультурный характер, принадлежать сферам мифологической или религиозной знаковости. Таков, например, приведенный выше сон о «броккенском призраке». В нем метафора огонька получила, по сути, значимость символа, и если бы К.Г. Юнг сразу понял это, то его прозрение относительно содержания этого образа и сновидения в целом было бы более осознанным и глубоким. Действительно, в христианстве свет обнаруживает символическую семантику некоего высокого источника, проясняющего бытие всех окружающих. Иисус говорил своим ученикам: *Вы свет мира* (Мф. 5: 14); *Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца нашего небесного* (Мф. 5: 16). Это также некая духовно укрепляющая человека истина — ср.: *...и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших* (2Пет. 1: 19). Сам Христос мыслится и определяется как «Свет Мира».

Также и в других религиозно-философских системах свет выступает символом самого Бога. Например, в этом качестве он мыслится в библейской традиции — ср.: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. <...> В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его* (Ин. 11: 1–5). В каббале Эйн Соф называется «безграничным светом». В индуизме *свет* — это и индивидуальное сознание, и Атман как абсолютный дух, производящая сила, мудрость, святость. В зороастризме *свет* — сила истины, противопоставленная *тьме*. В герметической традиции *Свет* — это Нус, ум, Бог, которого человек содержит в себе. Очевидна, таким образом, близость понимания К.Г. Юнгом семантики образа огонька в его сновидении с семантикой этого символа в самых разных религиозных системах.

Символы сновидений у К.Г. Юнга могут быть и уникальными, но они оставляют возможность разгадки прежде всего на метафорической основе. Так, в следующем примере подобный символический характер имеют образы холода и льда.

Вскоре после этого, весной и ранним летом 1914 года, мне трижды приснился один и тот же сон — о том, как в середине лета вдруг наступает арктический холод и вся земля покрывается льдом. Так я видел Лотарингию с ее каналами, замерзшую и совершенно обезлюдевшую. Все реки и озера покрылись льдом. Все, что было зеленого, заоченело и погибло. Это сновидение было у меня в апреле и мае, а в последний раз — в июне 1914 года. <...> Я все время ждал чего-то, что должно было произойти: я знал, что такого рода сны и видения посланы судьбою. <...> Первого августа началась мировая война [6, с. 178].

С одной стороны, *холод* и *лед* здесь рассматриваются как символические образы, восходящие к отрицательному члену базовой концептуальной пары ТЕПЛО / ХОЛОД, которая выступает в роли области-источника для целого ряда метафор в языке. При этом область-цель представляет эмоциональную сферу человека — ср.: рус. *оказать горячий / холодный прием, тепло / холодно отзываться о ком-л., тепло / холодно встретить, теплый / холодный взгляд, теплые отношения / они охладели друг к другу, разгореться страстью / остыть к кому-л., распалиться, горячиться / остывать* и т.п. С другой стороны, указанные концепты в рамках данного сновидения явно оказываются шире отмеченной языковой модели метафорических преобразований «температура → эмоциональная сфера человека», и общие контекстные условия сновидения указывают на это. Сам К. Г. Юнг связал приведенный сон с начавшейся Первой мировой войной, важнейшим признаком которой является «уничтожение жизни» — ср. в сновидении мотив гибели всего зеленого (здесь оказывается актуальной еще и символика цвета). Следовательно, можно заключить, что *холод* и *лед* в данных условиях символизируют некое уничтожающее, «мертвящее» начало и собственно войну. По ассоциативному принципу с этой семантикой связывается отмеченное еще Дж. Купером символическое значение *льда* — «жестокосердие и отсутствие любви» [3, с. 175]. Однако это значение — результат переноса отмеченной символической семантики *холода* и *льда* в нравственную и религиозную сферы (фактически в христианское мировидение). Очевидно, таким образом, что идея уничтожения, «умертвления» является в этих условиях прототипической.

Итак, следует ли понимать множественность когнитивных моделей семантических преобразований и одновременно спонтанность развития символической семантики у образов сновидений в аналитической психологии К. Г. Юнга как свидетельство отсутствия метода их толкования? Сам К. Г. Юнг по этому поводу писал так: «Мне часто задают

вопросы о моем психотерапевтическом или психологическом методе. Я не могу дать однозначный ответ. Каждый случай диктует свою терапию. <...> Поэтому одни говорят, что я следую Адлеру, другие — что Фрейдю». Как будто он утверждает отсутствие метода. Но далее К.Г. Юнг сформулировал положение, выражающее самый дух современной теории коммуникации: «А принципиально лишь то, что я обращаюсь к больному, как человек — к другому человеку. Психоанализ — это диалог, и он требует двух партнеров. Психоаналитик и пациент сидят друг напротив друга, глаза в глаза. Врачу есть что сказать, но и пациенту — в той же степени» [6, с. 137–138].

Мы же на этот вопрос должны ответить еще более определенно. Этот метод существует, и он — лингвистический. При выявлении семантики сновидений К.Г. Юнг на самом деле активно обращался к языку. При этом в одних случаях он сосредоточивал свое внимание на его звуковой стороне и необходимые содержания находил, опираясь на фонетическую близость языковых обозначений этих содержаний. В других случаях он основывался на тех или иных процессах, протекающих в семантической сфере языка, и, анализируя их, прямо проникал в человеческое бессознательное. Разумеется, бесспорным является то, что таких языковых явлений достаточно много, и принцип единичности интерпретации сновидения теряет свою значимость.

В этих условиях, однако, в силу вступает человеческий фактор. Выбор направления истолкования образов сновидений осуществляет исследователь, беря на себя и ответственность за это. Но опора на язык для него в любом случае является безусловной. К.Г. Юнг показал, что в этом и состоит сущность метода, который сегодня точнее всего определяется как когнитивно-языковой. Сознание человека едино, одни и те же законы человеческой ментальности действуют и в языке, и в образной сфере сновидений, и при функционировании естественного языка как средства метаописания их семантики.

Список литературы

1. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее научный статус // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1994. Т. 53, №2. С. 3–15.
2. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 144–238.
3. Купер Дж. Словарь символов. М., 1995.

4. Тверской В., Тверская Н. Сны как знаки судьбы. М., 2009.
5. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989.
6. Юнг К.Г. Воспоминания. Сновидения. Размышления. М., 1994.
7. Watts V. Cambridge Dictionary of English Place-Names. Cambridge, 2004.

Gennady Berestnev

LINGUISTICS AND DREAM INTERPRETATION
IN C. G. JUNG'S WORKS:
THE DISCOVERY OF THE METHOD

This article examines the mechanisms of dream interpretation used by C.G. Jung. It is shown that they differ in depth. The surface level of linguistic consciousness is the focus of paronomasic connections between words in dream descriptions. Deeper levels are targeted by semantic mechanisms: associative, metaphorical, and metonymical ones. In these conditions, of special importance is the interpretation of symbols. These mechanisms serve as the basis for C. G. Jung's method of dream interpretation.

Key words: *cognitive linguistics, dreams, metalanguage, analytic psychology, C.G. Jung, semantics, symbol, image, method.*